

Дуань Цунчжи медленно повернулся. Цинь Кэ стоял всего в трёх шагах — замерший, безмолвный, будто находился здесь всегда.

Дуань Цунчжи на мгновение растерялся:

— Как ты здесь оказался?

— Приехал к тебе, — просто ответил Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи изо всех сил пытался сдержать довольную улыбку. Придав лицу максимально независимый вид, он лишь неопределённо хмыкнул, сумев подавить рвущийся с языка вопрос.

«И зачем ты приехал?»

Впрочем, Цинь Кэ всё равно не из тех, кто станет откровенничать в духе «я соскучился» или «ты ведь меня игнорируешь». Спроси его — и наверняка наткнёшься на глухую стену молчания.

Они поужинали вместе. Вскоре после трапезы к палатке подошёл Ху Сюйцзэ с парой тренировочных мечей в руках. Юноша явился за обещанным уроком фехтования. Ещё во время дневных съёмок Дуань Цунчжи неосторожно пообещал показать ему несколько простых базовых связок.

Сяо Ху никак не ожидал вновь увидеть загадочного «друга» своего коллеги. Впрочем, глядя на то, как вёл себя этот мужчина, Сюйцзэ мысленно усмехнулся: их отношения явно не походили на безответную влюблённость, о которой плели сплетники. Заметив, что гость уходит не собираясь, Сяо Ху вежливо кивнул ему в знак приветствия, после чего окликнул Дуань Цунчжи:

— Сяо Дуань-гэ, ты скоро? Давай живее!

Из-за его нетерпеливого тона Дуань Цунчжи решил, что стряслось нечто срочное. Не раздумывая, он быстро выбрался наружу.

— Что случилось?

Сюйцзэ удивлённо воззрился на него:

— В смысле «что случилось»? Мы же договаривались потренироваться. Или ты забыл?

Дуань Цунчжи лишь молча похлопал глазами.

Сюйцзэ скользнул взглядом по входу в палатку. Цинь Кэ по-прежнему стоял там, молча наблюдая за ними. Пользуясь тем, что напарник отвернулся, Сяо Ху вызывающе улыбнулся

мужчине.

В ответ взгляд Цинь Кэ сделался по-настоящему ледяным.

Сюйцзэ сразу заупрямился: он наотрез отказался от медленной гимнастики тайцзи, которой дедушки в парках разминают суставы, и затребовал что-нибудь динамичное.

Однако большинство базовых комплексов традиционно строятся на неторопливых движениях. Быстрый же темп предъявляет к ученику колоссальные требования. Это сродни сложнейшему танцу, где важна не только выносливость, но и безупречное владение собственным телом. К тому же, в отличие от танцора, фехтовальщику нужно управлять не только собой, но и оружием. Здесь мало одной координации — требуется чувствовать сталь как продолжение собственной руки.

— Я покажу тебе две связки, — предложил Дуань Цунчжи, — а ты выбирай, какая больше по душе.

Сумерки уже окутали степь. В лагере съёмочной группы, прямо посреди кольца из палаток, пустовал небольшой пятachок земли. Над ним на туго натянутых проводах покачивались высоко подвешенные фонари.

На бескрайних просторах степи палатки казались крошечными песчинками. Под бездонным темнеющим куполом неба резкий белый свет фонарей казался холодным и одиноким. Он струился сверху, точно концентрированное сияние луны, и ложился на плечи невесомым серебристым инеем.

Цинь Кэ не сводил глаз с юноши, застывшего в круге света.

Из-за натёртых после верховой езды бёдер Дуань Цунчжи последние дни носил просторные, не стесняющие движений вещи, что сейчас оказалось как нельзя кстати. Перехватив бутафорский меч, он сделал выпад. Шаг, поворот, молниеносный росчерк клинка — рубящие удары сменялись колющими, защитные стойки перетекали в стремительные атаки. В его движениях сквозили невероятная лёгкость, гибкость и упругая сила.

В этот миг он казался сошедшим со страниц древних свитков юным мастером, безрассудным и вольным, что затеял свой танец под бледной луной.

Один из операторов, незаметно подкравшийся к площадке, уже вовсю снимал происходящее. Едва Дуань Цунчжи с тихим щелчком вернул клинок в ножны, мужчина с довольным видом накрыл объектив крышкой.

Сюйцзэ задумчиво почесал затылок:

— Как думаешь, за сколько я это освою?

Дуань Цунчжи, чьё дыхание после демонстрации даже не сбилось, изначально не питал иллюзий насчёт способностей коллеги. Он лёгким движением перебросил ему ножны:

— Пару-тройку эффектных движений мы разучим быстро. Но если хочешь освоить всю связку целиком, придётся начинать с самых азов.

Сюйцзэ согласно кивнул:

— Логично.

Дуань Цунчжи решил, что напарник сейчас либо откажется от затеи, либо выберет одно простое движение, но тот лишь задорно улыбнулся:

— Значит, спешить не будем. У нас впереди целых два месяца съёмок. — Он по-дружески хлопнул коллегу по плечу. — Да и после завершения проекта никто не мешает продолжить. Мы ведь теперь друзья по цеху.

Добившись своего, Сяо Ху с чистой совестью удалился, прижимая к груди тренировочные мечи. Дуань Цунчжи тоже направился к своей палатке.

Заметив застывшую у входа фигуру Цинь Кэ, он мгновенно напустил на себя равнодушный вид. Вместо того чтобы прямо предложить гостю остаться, он вежливо поинтересовался:

— Хочешь, я попрошу Чжоу Цюаня подыскать для тебя свободную палатку?

Разумеется, найти лишнее жилье посреди степи в разгар съёмок было задачей почти невыполнимой. Дуань Цунчжи просто лукавил, прощупывая почву.

— Не нужно, — ровно отозвался Цинь Кэ.

— Ладно, — юноша скользнул внутрь палатки и вздохнул с наигранным сокрушением: — Только учти, кровать здесь совсем узкая.

Цинь Кэ немного помолчал, разглядывая его, после чего тихо произнёс:

— Ложись, нужно обработать ссадины.

— Откуда... откуда ты узнал? — опешил Дуань Цунчжи.

— Ты прихрамываешь.

Дуань Цунчжи лишился дара речи. Неужели это настолько бросалось в глаза? Он ведь изо всех сил старался ступать ровно и уверенно!

Предприняв отчаянную попытку спасти положение, он заупрямился:

— Да там пустяк, царапины одни. Уже почти всё затянулось.

Но Цинь Кэ не собирался вступать в дискуссии:

— Снимай штаны.

Тонкие брезентовые стены палатки не обеспечивали ровным счётом никакой звукоизоляции. Снаружи было слышно каждое движение, и, соответственно, любой шорох и шёпот изнутри тут же становились достоянием общественности.

Помощник Гу, как раз направлявшийся к палатке, чтобы уточнить у босса планы на ночлег, от этих слов застыл на месте как вкопанный.

«Прошу прощения, зря пришёл...» — мысленно взмолился помощник.

И о чём он только думал? Разве у Директора Циня вообще мог возникнуть вопрос, где ночевать? Гу сокрушённо вздохнул. Ему следовало поскорее позаботиться о собственном спальном месте. Может, попроситься к Чжоу Цюаню? В крайнем случае придётся ютиться в машине.

Развернувшись, помощник торопливо зашагал прочь и почти сразу столкнулся с Чжоу Цюанем. Поняв, что тот направляется напрямик к Дуань Цунчжи, Гу мёртвой хваткой вцепился в его рукав и потащил за собой, заговорщицки зашептав, что у Третьего господина и господина Дуаня сейчас важный разговор и мешать им категорически нельзя.

Ничего не понимающий Чжоу Цюань покорно семенил следом, то и дело растерянно оглядываясь. С чего вдруг нельзя беспокоить? Он ведь всего лишь нёс боссу молочный чай, который тот сам же и заказал!

Проводив взглядом невнятные тени, промелькнувшие у входа, Дуань Цунчжи устало потёр переносицу.

— Я уже давно не ребёнок, — тихо вздохнул он, глядя на Цинь Кэ. — От такой заботы я могу истолковать твои намерения слишком двусмысленно.

Цинь Кэ лишь слегка нахмурился, продолжая молча смотреть на юношу.

— Чжоу Цюань купил мне мазь в первый же день, и я честно ею пользуюсь. Просто заживает не так быстро, как хотелось бы, — под тяжёлым, пронизательным взглядом мужчины Дуань Цунчжи заговорил быстрее, пытаясь оправдаться. — И вообще, я ещё даже в душ не ходил. Вот ополоснусь — и сразу всё обработаю, обещаю.

В степных условиях водные процедуры превращались в настоящее испытание. Горячая вода в лагере имелась, но из-за резкого ночного похолодания полноценно помыться не представлялось возможным — приходилось довольствоваться быстрым обтиранием.

Цинь Кэ молча направился к выходу. Не ожидавший такой скорой капитуляции Дуань Цунчжи на секунду опешил, но успел перехватить мужчину за рукав у самого порога:

— Ты куда?

— В машину.

Дуань Цунчжи растерянно моргнул.

— Уезжаешь?

Поняв, что его поняли превратно, Цинь Кэ терпеливо пояснил:

— Ты ведь сам сказал, что кровать здесь слишком узкая.

И из-за этого он собрался спать в автомобиле? Железная логика, не поспоришь. Дуань Цунчжи мысленно выругался, осознав, что сам же себя и перехитрил.

«Сам же вырыл себе яму...»

— Но я вообще-то худой, — пробормотал он, отводя взгляд.

Цинь Кэ прекрасно понял этот намёк, и в глубине его тёмных глаз промелькнула едва заметная тёплая искра.

Угол палатки на скорую руку отгородили непромокаемой занавеской, устроив подобие умывальника. Закончив с водными процедурами, они улеглись. Кровать оказалась действительно крошечной, к тому же на двоих полагалось всего одно одеяло, так что они поневоле прижимались друг к другу плечами.

Внутри у Дуань Цунчжи всё так и затрепетало от волнения. Не смея придвинуться ближе, он поспешно отвернулся и замер на самом краю, уткнувшись лицом в стенку палатки.

— Повернись, — ровным, не терпящим возражений тоном скомандовал Цинь Кэ. — Сначала мазь.

Разговор вернулся на круги своя, и Дуань Цунчжи едва не взвыл от досады. Он до смерти боялся этих прикосновений. Он — молодой, совершенно здоровый парень. И если его тело предательски отреагирует на интимные жесты, позора будет не обернуться.

Однако спорить сейчас казалось делом бесполезным: Цинь Кэ явно закусил удила, и отступить не собирался.

Решив, будь что будет, юноша сбросил одеяло, стянул пижамные штаны до бёдер и покорно устроился на животе. В такой позе любые нежелательные изменения тела хотя бы не сразу бросятся в глаза.

Уткнувшись лицом в подушку, Дуань Цунчжи слегка развёл ноги. На фоне его бледной кожи натёртые докрасна мускулистые бёдра выглядели пугающе ярко. Свободные тёмно-синие брюки небрежно присобрались у щиколоток.

Взгляд Цинь Кэ потемнел. Он мягко коснулся повреждённой кожи. От прикосновения его прохладных пальцев по телу юноши мгновенно пробежала мелкая дрожь.

Обладая от природы обострённой чувствительностью, Дуань Цунчжи воспринимал боль гораздо сильнее обычных людей. То, что для Сюйцзэ было лишь досадной ссадиной, для него оборачивалось невыносимым мучением, от которого на глаза наворачивались слёзы. А теперь, под пальцами Цинь Кэ, боль смешалась с каким-то щекочущим, тягучим жаром.

— Пожалуйста... побыстрее, — приглушённо попросил он, уткнувшись в подушку.

Цинь Кэ зачерпнул пальцами немного прохладного молочно-белого крема и принялся бережно втирать его в кожу. От тепла его рук мазь быстро нагревалась, принося долгожданное облегчение. Боль действительно начала утихать, но взамен пришло невыносимое, сводящее с ума чувство щеколки, заставившее всё внутри сладко сжаться.

Повернув голову набок, юноша до боли прикусил губу. Дыхание его стало прерывистым и тяжёлым, а пальцы судорожно сжали простыню, сминая ткань в тугие складки. Эта несложная процедура превратилась для него в изошрённую пытку.

Когда ладонь Цинь Кэ наконец отстранилась, Дуань Цунчжи судорожно выдохнул. В мгновение ока натянув брюки, он перекатился на спину и с головой зарылся под одеяло, отчаянно пытаясь выровнять дыхание.

Цинь Кэ закрыл баночку с мазью, тщательно вытер пальцы салфеткой и повернулся к постели.

В неверном янтарном свете ночника Дуань Цунчжи выглядел совершенно беззащитным. Его искусанная, припухшая губа алела, а в уголках покрасневших глаз поблёскивали влажные дорожки слёз. Юноша казался незаслуженно обиженным домашним питомцем, которого хитростью заставили проглотить горькую микстуру, но в этой обиде сквозило такое чистое, пленительное кокетство, что воздух в палатке, казалось, стал горячим и густым.

Настоящее искушение.

Сам виновник этого смятения даже не подозревал, какое впечатление производит. Цинь Кэ, скользнув по нему мимолётным взглядом, поспешно отвернулся и молча лёг рядом.

— Впредь следи, чтобы Чжоу Цюань всегда брал эту мазь в поездки.

Это средство, как и привычный уходовый крем, изготавливалось по спецзаказу в частной лаборатории исключительно для нужд Дуань Цунчжи.

Кое-как кивнув, Дуань Цунчжи замер, кожей ощущая исходящее от мужчины тепло. Увы, его собственное тело упрямо отказывалось успокаиваться, и юношу запоздало накрыло волной раскаяния.

«Наверняка этот невыносимый человек решил проучить меня за то, что я несколько дней его игнорировал! Специально приехал, чтобы поиздеваться... Знал бы, во что это выльется, давно бы сдался и первый пошёл на примирение».

После долгих мысленных уговоров и принудительного повторения про себя буддийских сутр о бренности всего сущего бунтующая плоть наконец утихомирилась. Но сон к Дуань Цунчжи так и не шёл. Он продолжал ворочаться с боку на бок.

Как бы он ни старался лежать смирно, кровать была слишком узкой. Стоило ему хоть немного пошевелить рукой или вытянуть ногу, как он неминуемо задевал своего соседа.

Когда это случилось в очередной раз, в темноте раздался тихий голос Цинь Кэ:

— Не спится?

Время шло к полуночи. Мужчина, должно быть, уже крепко спал, пока его не потревожили, и его голос сейчас звучал непривычно низко и хрипло. Дуань Цунчжи укололо чувство вины.

Не говоря больше ни слова, Цинь Кэ просто притянул его к себе и мягко прикрыл ладонью его глаза, ограждая от тусклого света.

— Спи.

«Как маленького...» — лениво подумал юноша.

Оказавшись в этих надёжных объятиях, вдыхая знакомый успокаивающий аромат и прислушиваясь к размеренному стуку чужого сердца, он сам не заметил, как напряжение ушло, и сознание медленно уплыло в сладкую дремоту.

Утром его разбудил доносившийся снаружи гомон лагеря. Дуань Цунчжи приоткрыл глаза, совершенно не помня, в какой момент провалился в сон.

Но стоило ему сделать робкую попытку пошевелиться, как он мгновенно оцепенел. За ночь они умудрились прижаться друг к другу так тесно, что их ноги оказались переплетены в тесном узле. Кто именно стал инициатором такого сближения, оставалось только гадать.

Ощувив столь тесный физический контакт, Дуань Цунчжи смущённо замер: очевидные физиологические изменения в теле мужчины не оставляли пространства для фантазии. Спешно высвободив ноги, он дёрнулся так резко, что край одеяла взлетел вверх. В образовавшуюся щель мгновенно ворвался поток ледяного утреннего воздуха, заставив юношу поёжиться и поджать пальцы.

Цинь Кэ не спеша открыл глаза и совершенно спокойно убрал руку с его талии.

Сгорая от неловкости, Дуань Цунчжи пулей выскочил из постели и принялся лихорадочно натягивать одежду.

За завтраком Дуань Цунчжи то и дело украдкой поглядывал на спутника. Тот держался абсолютно невозмутимо, словно утреннего инцидента не было вовсе. Похоже, вся неловкость ситуации тяготила исключительно одного человека.

Впрочем, юноша быстро пришёл к выводу, что смутить Цинь Кэ вообще невозможно. Этот человек годами не проявлял интереса ни к женщинам, ни к мужчинам, так что любые проявления плотского начала для него, скорее всего, не имели налёта греховности или стыда.

Для него утреннее возбуждение было лишь естественным проявлением здорового организма, к которому он относился со свойственным ему стоицизмом.

«Раз так, то и моя вчерашняя реакция на прикосновения во время обработки ссадин вполне объяснима и естественна».

Рационализировав свои ночные страхи, Дуань Цунчжи окончательно успокоился.

Однако следом в его голове зашевелился куда более интригующий вопрос: а как Цинь Кэ справляется с подобным напряжением?

Одно дело — лёгкий утренний тонус, который без труда сходит на нет сам собой. Но у Цинь Кэ — то всё было куда серьёзнее — Дуань Цунчжи прочувствовал это собственной кожей. Попытаться подавить такое волевым усилием казалось едва ли не изошрённым насилием над собственной природой.

С другой стороны, в образе Цинь Кэ — холодного, безупречного, напоминающего сошедшее с пьедестала божество — совершенно не оставалось места для таких понятий, как страсть или похоть. Подобные земные слабости категорически с ним не вязались.

И даже сама мысль о том, что этот человек может заниматься банальным самоудовлетворением, казалась Дуань Цунчжи едва ли не святотатством.

<http://bllate.org/book/18330/1765592>